

наций. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.html. – Дата доступа: 04.09.2018.

6. *Лавджой, А.* Великая цепь бытия: История идеи / Пер. с англ. В. Софронова-Антони. – М. : Дом интеллектуальной книги, 2001. – 376 с.

7. *Льюис, К. С.* Любовь // *Философия любви в 2 ч.* – Антология любви. – М. : Изд-во политической литературы, 1990. – Ч. 2. – С. 565–574.

8. *Можейко, М. А.* Социализация // *Всемирная энциклопедия: Философия.* – М. : АСТ, Минск : Харвест, Современный литератор, 2001. – С. 980–982.

9. *Рассел, Б.* История Западной философии. – М. : Академический проект, 2009. – 1008 с.

МИЛОСТЬ «РОДНОГО КУТА»

И. В. Морозов,

*доктор культурологии, профессор, профессор кафедры менеджмента
социокультурной деятельности Белорусского государственного
университета культуры и искусств*

Белорус искони ярко и ясно осознавал между-предел своего обитания, будучи воспитанным тяжким трудом землепашца, в расчистке дремучих лесов, подчиняя свой кругозор формуле: «владеть землею только по то место, куда топор и соха ходили». А ходили они не особенно далеко – насколько допускали непролазные болота-топи, обильные реки-озера. А это притупляло исследовательский, путепроходческий порыв, приучало сносить-терпеть то, что имеешь от естества происхождения. Дабы попросту выжить-пережить очередную невзгоду. Так что не знал белорус всевластной воли беспредельного Простора, коим была «ушиблена» душа русского человека (Н. Бердяев).

Родина белоруса никогда не была большой, огромной и тем более бескрайней. Она была соразмерно его «краеогляду» с высоты приземистого надела. И была она единой и цельной, сродни общему наследству предков.

От прадедов и родину я взял –
Великая, богатая она!
Никто ее глазами не обнял.
Как бог один, так мне она – одна.

Янка Купала

Дали дальние в картине мира белоруса не просматриваются. Они как бы обозначаются и то в качестве почти несбыточной альтернативы «тут» и «ныне». Белорусской натуре не характерно странничество, ибо его и силком не оторвешь от Дома. Странник для него – натура «печального образа», ибо горестны его неприкаянность и мытарства.

Тащится по свету
Сирый странник вдаль,
Нигде крова нету
.....
Грусть в его глазах.

Янка Купала

Исконный белорусский абориген, если не знает, то всем своим нутром чувствует: ему не будет лучше в чужой стороне, какие бы посулы-обещания она ни предлагала. «Ідзі ў родны край, там – і пад ёлкаю рай», «Не дай, доля, у прымах жыць і на чужой зямлі загінуць», «Жонка як жонка, але мілей родная старонка».

Отсюда «свое», каково бы оно ни было, изначально предпочтительнее. «Хорошо там, где нас нет», – подобное не услышать от истого белоруса, твердо стоящего на «своем». Отсюда его самобытная несговорчивость и тут же, если он чувствует, что «своему» это не повредит, не нашkodит, белорус готов к согласию, «памяркоўнасці». Многопоколенный опыт жития-бытия на одном своем месте-уделе выпестовал именно эту приспособляемость. И покорное принятие судьбы – все, что исполнилось, по божьей воле, что есть, и что будет на этой и только этой Земле. Или только Тут, исключительно Здесь, что делает второстепенным религиозную или государственную принадлежность, а также поиски счастья где бы то ни было.

Не ищи ты счастья-доли
На чужом далеком поле,
Ни за шумными лесами,
Ни за синими морями
Не ищи ты счастья-доли!
Ты найдешь все это рядом,
Там, где мать протяжным ладом
Тихо песню напевала.

Янка Купала

Сколько помнит себя белорус, родина его все та же древняя земля с извечной сединой, снова и снова возрождающаяся по

языческому календарному укладу. Поэтому не беспокоит его ощущение хода истории к некоему заключительному событию, которым преисполнено христианство. Пространство-время его замыкается в неизбежный круг привычных и потому предсказуемых событий, не страшщих своей неизвестностью.

Живет он, как жил тут извечно,
Живут его хата и поле.

Янка Купала

Живет самобытная культура с глубинными историческими корнями, накрепко вросшими в родную почву человеческого бытия с его воспеваемыми преданиями. «Не только предания и песни убедят нас в этом, но и обрядовые обычаи, таящие в себе много нитей, связующих современность с отдаленным прошлым» [1, с. 251].

«Всякий старинный праздник со всеми образами, песнями, поверьями, легендами – вполне олицетворяет поэтическое творчество народа, его любовь к природе, к заветным обычаям праотцов» [1, с. 266]. В их среде и зародился уникальный культурный феномен «тутейшего», который на вопрос всякого пришлого со «своим уставом» вполне гордо обозначает свою исключительную принадлежность здешней Земле-вере.

Я стою и думаю: как же мне назваться?
«Тутошний, – сказал я, – свой человек,
Сын своего батьки, батька детей,
Тут я и родился, тут живу весь век...

Ф. Богушевич

«Тутошность» – как родовая отметина, которой одарен не каждый, кто «тут» живет. Она относится к врожденному тут-земцу, то есть естественному хозяину своей Земли, имеющему свой тотем – обилие зверей, неизменно добрых, не жестоких. С ними тутошний живет бок о бок, «душа в душу», слагая-сказывая о них обилие самобытных сказок и поверий.

Иначе и быть не может, ведь он, истый сын своей Земли, живет-тужит, словно под опекой-заботой родной Матки-Матери. Только он, белорус, мог так последовательно отождествлять Землю-Женщину и так часто, словно заклиная, обращаться к ней как к мифическому целому: «Зямелька – матка наша: і корміць, і поіць, і адзявае нас».

Истоки сих откровений – в языческой, «паганской» натуре и вере исконного белоруса. Ему не так уж страшен грозный Перун, ибо на него найдет управу его жена Грозница, покро-

вительница плодородия. Так же и образ мифической Мажаны, векопомные курганы, иные «археологические редкости», наконец, литературные памятники отсылают к допатриархальным временам с главенством Матери-Прародительницы [2].

Народные обряды и песни также дают возможность перенестись в ту заповедную пору, когда во главе семьи стоял не отец, а мать [1]. Именно Мать некогда встречала молодоженов у Дома, держа хлеб-соль как символ плодородия Земли и Женщины. Тем выказывалась неподдельная приверженность женскому началу, «феминизированной» картине мира, в центре которой неизменно находился культовый образ Земли-Матери, коим преисполнялись традиционные орнаменты, искони ритуальные танцы, песни, воспевающие ее милостивою благодать и бескорыстное заступничество. Потому не иссякает уверенность: «Зямля не зменіць і не здрадзіць. Зямля паможа і дарадзіць...»

Естественная и вольная привязанность к своей Земле претворена в самых многоликих памятниках, следы которых повсеместно находятся и сегодня. «Памятники эти суть: урочищные горы, леса, поля, реки, озера и болота со славянскими названиями... Также родовые прозвища или фамилии так называемых застенковых фамилий, с незапамятных времен сидящих (местное выражение) на одном и том же месте в своих кутах (углах, рубежах)...» [2, с. 34].

Главное же, «у всех их сохранилось предание о каком-то древнем значении их рода» (П. Шпилевский). Всякий же род должен родиться – произрастать, ясно где, – на родной Земле. Вот эту «приземленность», беззаветную верность своей Земле в большей степени удалось сохранить белорусу. И с этим приобрести-воспитать в себе дар-умение долготерпения – не унывать, не сокрушаться, не терять жизнелюбия в самых, казалось бы, безвыходных и трагических ситуациях. Ведь и земля-прародительница возобновляет плодоношение даже после самых жестоких битв-пожаров. Посему потомственные земледельцы, «пахари исключительные» выговаривали непреложное правило: «умирать собираешься, а хлеб сей» [1].

Почитанием своей Земли как божества преисполнено и устное мифотворчество. Трепетное именование Земли святою, матерью, сырой землей, сырицей – все это исстари при клятвах, с припаданием к земле, с землей во рту и при заговорах. Самая «страшная» клятва для белоруса – клятва, произнесенная с землею во рту или в руке. К ней прибегали редко, но ей беспреко-

словно верили [3, с. 20]. Как после этого можно даже подумать, чтобы оставить-покинуть родную – Землю-Матушку!..

Белорус бережно «окутан» родной сторонкой, в незамысловатых, но глубоко символических закромах исключительно своего кута. На защиту его отнюдь необширных границ народным воображением был призван магический Чур. «Бугры, или небольшие курганчики, нередко огороженные частоколом, насыпанные на границах участков как межевые знаки, состоят под особым попечением Чура и никто не посмеет разрыть такого бугра из опасения разгневать божество... В то же время Чур является домашним пенатом, так что каждый дом, каждое семейство имеет своего Чура, охранителя домашнего очага» [1, с. 270].

Так что в родном куте суровостью судеб белоруса искони сходится не физическое пространство, но чаяния и думы белоруса, возделенное отдохновение души. Испокон веку в поиске покоя и лада с миром белорус уповает на трепетную милость родного кута, которая исполняется его же к нему милосердием и заботой. «Дай зямлі, і яна табе дасць».

В такой вселенской гармонии попросту не могли не появиться и не стать поэтическим воплощением сокровенных чувств напевные строки:

Мой родны кут, як ты мне мілы!..
Забыць цябе не маю сілы!..

Якуб Колас

При одном только воспоминании о родном углу-куте душа белоруса бережно укутывается метафизической субстанцией, освобождающей от тягостных дум и «пакут» даже в далеких далях пространств, времен и культур.

Есть много уголков в литовских пущах,
Средь беловежских чащ укрытий много,
Куда волнений гребни не дохлынут,
Не долетит военная тревога,
Ни вражеское злобное глумленье,
Ни горький звук мучительного стона...

А. Мицкевич

1. Живописная Россия. Литовское и Белорусское Полесье. Репринтное воспроизведение издания 1882 г. – Минск : БелЭн, 1993. – 505 с.

2. Шпилевский, П. М. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю. – Минск : Полымя, 1992. – 251 с.

3. *Богданович, А. Е.* Пережитки древнего мирозерцания у белорусов. Этнографический очерк. – Гродно : Губернская типография, 1895. – 186 с.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ г.п. МИР

О. В. Новицкая,

*заместитель директора по научной и просветительской работе
музея «Замковый комплекс “Мир”» соискатель
Белорусского государственного университета культуры и искусств*

В современных условиях тесно пересекаются музейные и архивные процессы, активизируя взаимодействие музеев и архивов на разных уровнях, в том числе и региональном. Особенно велико значение зональных архивов в сохранении документов, имеющих отношение к малым населенным пунктам и охватывающих послевоенный период, когда происходили значительные изменения в их планировке.

Документы, касающиеся истории г.п. Мир 1939–1950-х гг., были выявлены научными сотрудниками музея «Замковый комплекс «Мир» О. В. Новицкой и О. В. Колосовской в Государственном зональном архиве в г. Новогрудок и Государственном зональном архиве в г. Барановичи. В итоге за время работы в двух зональных архивах с марта по апрель 2017 г. было просмотрено 59 дел. Самостоятельный поиск необходимой информации в читальных залах архивов позволил изучить обширный фактический материал о послевоенном прошлом г.п. Мир, на территории которого расположен памятник архитектуры XVI–XX вв., включенный в Список всемирного наследия ЮНЕСКО – Мирский замок. В настоящий момент для посетителей музея проводятся не только обзорные экскурсии по Северному корпусу, башням, церкви-усыпальнице князей Святополк-Мирских, но и по г.п. Мир, поэтому полученные сведения по истории поселка применяются экскурсоводами и научными сотрудниками при подготовке текстов экскурсий.

Большой интерес вызывают протоколы заседаний, решения исполнительного комитета Мирского районного Совета депутатов трудящихся за 1945–1957 гг. из Государственного зонального архива в г. Новогрудок, в которых указаны все сведения относительно открытия больницы, школ, детского дома, артелей, цехов, пекарни, гостиницы, отделения связи, магази-